



Живет в Киеве (Украина). Визитная карточка участника.

### С натуры

Натурщик-аполлон, художницей убитый,  
распластан перед ней,  
свободный от страстей,  
цейтнотов и кишок.  
Ей на фиг не нужны метанья и кульбиты –  
но бездны пустоты,  
нюансы наготы,  
но солнечный пушок.

Призывает грунт холста, доверчива бумага,  
в толпе поводырей –  
ветра и воды рек,  
что прежде нас текли.  
Нет смысла разбирать, кто мачо, кто имаго:  
взыскав, мудрецы  
касались не пылицы –  
пылинок на стекле.

Художница глядит... но черен храм страданья –  
ни проблеска внутри.  
Удушлив аромат.  
Немеют словари.  
Прекраснее, чем смерть прекрасного созданья, –  
картину ли, роман –  
вовек не сотворить.  
Уже не сотворить.

## Концерт

Танцы руками на клавишах –  
не под музыку,  
над  
ней –  
танцы на углях, расплавивших  
лица в безличность огней.

Звуки – механики узники –  
косят под вольный поток.  
Даже как повод для музыки,  
слово ей – не поводок.  
Но на бегу за мгновениями  
нот (будто искры в ночи)  
струны становятся венами,  
и –  
даже в затишье  
звучит  
не шебуршание быта,  
но  
вкрадчивый ток  
серебра...

Хочется встретить забытого,  
ластиться, за руки брать,  
хочется крикнуть:

спаси меня,  
воздух верни тишине!

Музыка –  
это насилие,  
это чужое во мне.

Раскрепоститься, обречь себя –  
и наслаждаться в себе  
свитком иного наречия,  
альтернативных небес,  
где за семью печатями  
си-ля-соль-фа-ми-ре-до  
музыка –  
это зачатие  
новых запретных плодов.

Только снаружи мистерия  
кончится раньше, чем я.  
Аплодисментов истерика,  
очередей толщея,  
мачо от Гуччи,  
красавица  
в черном  
почти неглиже –  
это меня не касается  
и не коснется уже...

Банальность боль

«Для меня она – боль...» – нечто подобное поэты нередко  
говорят о поэзии

- Ау! дитория! Дитя!...  
Я не готова, будто к бою.  
Они пришли. Они хотят,  
чтоб их кормили свежей болью.

Они сейчас – одно дитя...  
Дитя, не знаешь, чем заняться?  
А вот пустышка для тебя  
из звуков и агглютинаций –

галлюцинаций языка –  
симплоки, эллипсы, хиазмы,

густых метафор облака,  
старинных символов миазмы –

нетрезвый строй увечных строк,  
чьи раны рифм исходят гноем.  
И ты высасываешь сок  
блаженной боли. Остальное

ты только хохотом сблюешь,  
клочками памяти растащишь...  
Но если слез прольется дождь –  
о, это всех оргазмов слаще!

Вода темнее в глубине,  
будь океан ты или лужа.  
А ниже, там, на самом дне –  
отчаяние. Боль. И ужас.

Твои. Я лишь источник слов,  
ловец, удачливый не слишком,  
рыбак, русалка, крысолов...  
Ты помнишь? Я дала пустышку –

стихи. Молчание и вой.  
Стихи – предвестники несчастий.  
Души застенчиво-живой  
отмершие в экстазе части.

Но мне ли корчиться внутри  
словесной клетки? Боль конечна,  
ее предел – предсмертный крик.  
А дальше – беспределье. Вечность...

